

— Синхуань, это... от кого пришло?

Сяо Хунцзин решил прощупать почву, поэтому произнес имя, которое раньше никогда не произносил, — одновременно по-детски искренне и с легкой неловкостью.

Однако внимание Чу Синхуаня было сосредоточено вовсе не на вопросе.

Синхуань.

Этому имени доводилось звучать из уст многих, но сейчас оно прозвучало совсем иначе. Он слышал его произнесенным с равнодушием, сухостью, насмешкой, бранью, высокомерием... Бесчисленное множество интонаций. Но никогда — вот так: с нежностью, смешанной с осторожностью, и глубоким чувством, полным участия.

Это была настоящая, живая интонация, согретая теплом. Имя, которое всегда было для него лишь пустым звуком, наконец обрело иной смысл. Даже само это прозвище, которое он всю жизнь ненавидел, из уст Сяо Хунцзина перестало казаться таким уж отталкивающим.

Чу Синхуань расслабленно прищурился, и это обращение ему невероятно понравилось. Поэтому он честно и прямо ответил:

— Ван Сюань.

— Ван Сюань? Почему он прислал тебе письмо? Да еще и... да еще и с таким содержанием... А, нет, я не то имел в виду! То есть, я хотел спросить, вы с ним близки? — заволновался Сяо Хунцзин.

— Не близки. Виделись лишь однажды, — ответил Чу Синхуань, а затем, решив, что это звучит слишком сухо, добавил: — Не так, как мы с тобой.

Взъерошенные перья Сяо Хунцзина тут же разгладились, но, вспомнив, что его только что прервали, он снова начал робеть. Сделав осторожный шаг вперед, он пробормотал:

— Синхуань, ты... ты не мог бы поехать со мной домой?

— Ты хочешь забрать меня домой? — приподняв веки, переспросил Чу Синхуань.

— Конечно, хочу. Я об этом даже во сне мечтал.

— Если ты хочешь, то я поеду с тобой, — отозвался Чу Синхуань.

— И еще кое-что... — Сяо Хунцзин приготовился в любую минуту упасть на колени, зажмурился и выпалил: — Прости, что скрывал свою личность. На самом деле меня зовут не Сяо Цзин. Я Сяо Хунцзин, великий полководец государства Да-Чу, Сяо Цзыси.

Чу Синхуань ответил совершенно спокойно:

— Хм, я знаю.

Сяо Хунцзин замер:

— Откуда?

— С самой первой встречи, — ответил Чу Синхуань и, чтобы Сяо Хунцзин не начал засыпать его новыми вопросами, поспешил сменить тему: — Ну что, когда мы уезжаем?

Сяо Хунцзин, все еще пребывая в полном недоумении, приободрился и засуетился:

— Давай прямо сейчас, а?

— Хорошо.

Когда они вышли из павильона Цуйчжу, матушка Лю собрала всех обитателей дома, чтобы проводить Чу Синхуаня. Кто-то рыдал, кто-то скрывал торжествующую улыбку, но Чу Синхуаню было уже все равно.

Сидя в карете, он наблюдал за уличными торговцами за окном. Он впервые покинул это место и впервые внимательно разглядывал жизнь и обычаи этой эпохи. Сяо Хунцзин собирался ехать верхом, но это было бы слишком вызывающе, да и мысли его все время возвращались к тому, кто сидел внутри кареты, поэтому он, не раздумывая, подсел к Чу Синхуаню.

Заметив, как тот не отрываясь смотрит наружу, он вспомнил о его прошлом и с сочувствием сказал:

— Если хочешь, я погуляю с тобой по городу.

— Не нужно, давай сначала вернемся.

Чу Синхуань не хотел лишний раз утруждать его и просто протянул руку, которую тот тут же естественно перехватил.

На полпути карета остановилась. Сяо Хунцзин попросил подождать и вышел. Чу Синхуань, не

понимая, что происходит, приподнял занавеску, но Сяо Хунцзина нигде не было. Вскоре тот вернулся, и, к великому удивлению Чу Синхуаня, в руках у него оказалась связка засахаренных ягод.

— Держи. Видел, что другие любят такую штуку, решил купить тебе на пробу. Скорее попробуй, понравится ли. — Сяо Хунцзин смотрел на него с ожиданием, часто хлопая глазами.

Чу Синхуань взял угощение. В его руке была ярко-красная, поблескивающая на свету связка ягод — первая, которую ему не пришлось просить. Он откусил кусочек и, не успев прожевать, ответил:

— Нравится. Очень сладко.

Наконец они подъехали к дому генерала. У ворот возвышались два каменных льва, символы величия и власти, зорко взиравшие по сторонам. На воротах, украшенных изысканной резьбой в виде облачных драконов, висела золотая табличка с надписью Генеральская усадьба, внушавшая трепет.

— Синхуань, выходи, — Сяо Хунцзин первым выпрыгнул из кареты и услужливо подставил руку.

Чу Синхуань смотрел на него сверху вниз, и сияющая улыбка Сяо Хунцзина тут же отозвалась теплом в его сердце. Он на секунду потерял бдительность, оступился и упал прямо в надежные и теплые объятия. Сяо Хунцзин рассмеялся, отчего его грудь завибрировала, и Чу Синхуань невольно покраснел.

— Решил сам ко мне в объятия прыгнуть, да?

Услышав доклад стражи, старик Сюй вышел встречать хозяина с радушной улыбкой на лице.

— Генерал, вы вернулись! — Сюй обращался к Сяо Хунцзину, но взгляд его был прикован к Чу Синхуаню.

Старик с недоумением разглядывал гостя, гадая, не подводит ли его зрение, раз он не может отличить мужчину от женщины. Лишь заметив кадык на шее Чу Синхуаня, он с облегчением выдохнул — все-таки он еще не настолько стар.

— Дядюшка Сюй, распорядитесь, пожалуйста, подготовить одну из комнат в моем крыле.

Сюй кивнул и тут же отдал приказания слугам. Вскоре в доме закипела работа: комнаты вычистили, застелили постели, расставили мебель — все было сделано быстро и слаженно. Сяо Хунцзин провел Чу Синхуаня по усадьбе, подробно объясняя устройство дома.

— Синхуань, теперь это твой дом. Если что-то понадобится, просто скажи слугам.

— Хорошо.

— И еще... моих родителей давно нет в живых, а из старых слуг остался только дядюшка Сюй, который со мной с самого детства. Так что не стесняйся, здесь ты волен делать все, что хочешь.

Видя эту сцену, старик Сюй был глубоко тронут. Он был бесконечно благодарен судьбе за то, что дожил до дня, когда Сяо Хунцзин наконец нашел своего любимого человека. Пусть даже это мужчина — какая разница, если генерал счастлив?

Огромная усадьба слишком долго пустовала, так долго, что Сюй уже перестал считать годы. Глядя на звездное небо, он прослезился: он знал, что в этот дом вернулись тепло, забота, ответственность и смысл.

Зажглись фонари, взошла луна, и усадьба озарилась светом. Сяо Хунцзин и Чу Синхуань сидели в столовой, наслаждаясь тишиной семейного уюта. У обоих не было родителей, и это родство душ чувствовалось особенно остро.

Сяо Хунцзин положил в чашку Чу Синхуаня куриную ножку и сказал:

— Ешь больше, ты слишком худой.

Чу Синхуань отрешенно посмотрел на появившуюся в чашке ножку и неожиданно для самого себя спросил:

— А вторая?

— А?

Сяо Хунцзин не всегда понимал ход мыслей Чу Синхуаня, но после его вопросов быстро соображал, в чем дело.

— Ты об этой? Конечно, она тоже твоя. Тебе нравится это блюдо? Буду заказывать его каждый день.

Сяо Хунцзин не раздумывая положил в чашку вторую ножку. Чу Синхуань смотрел на полную чашку, где скрещивались две куриные ножки. Казалось, круг страданий замкнулся, и его судьба совершила невероятный поворот.

<http://bllate.org/book/21347/2167883>